Существующие исследования следует критически переосмыслить, особенно в отношении дизайна исследования и анализа данных. Одна из проблем современных исследований заключается в том, что они посвящены исключительно конструктивной роли молитвы. Однако, как утверждают авторы, область этих исследований имеет большие перспективы.

Достоинства и содержательные богатства книги, к сожалению, практически нивелируются в ее русском издании. Перевод демонстрирует очень слабое владение как специальной религиоведческой, так и психологической терминологией. Достаточно упомянуть, что слова «теолог» и «религиовед» употребляются как взаимозаменяемые. Оформление научного аппарата также сильно снижает возможности использовать эту книгу как в научной, так и в преподавательской деятельности. Например, ссылки на литературу даны в виде номера издания в списке, который помещен в конце тома. Список, насчитывающий 629 источников, занимает 11 страниц. Пользоваться им неудобно и оформлены ссылки странно.

К сожалению, книга «Психология молитвы» показывает, что к многочисленным проблемам роста религиоведения относится еще и нехватка навыков научной редактуры. Ведет к многочисленным проблемам и разобщённость религиоведческого сообщества — зачастую мы не знакомы с существующей традицией передачи имен и не знаем, у кого просить консультации. Единственный способ избежать подобных плачевных результатов — расширять контакты и научные связи, как с зарубежными коллегами, так и внутри русскоязычного научного сообщества.

К. Колкунова

Психология религии: между теорией и эмпирикой/ Под ред. К.М. Антонова. М.: Изд-во ПСТГУ, 2015. — 188 с.

Как нередко случается в отношении социально-гуманитарных наук (а психология религии в настоящий момент является преимущественно именно таковой, несмотря на небезуспешные и перспективные попытки придать ей более естественнонаучный характер), психология религии имеет ряд трудноразрешимых теоретико-методологических и практических проблем, идущих от самих своих оснований. Первое, с чем сталкивает-

ся человек, желающий побольше узнать о психологии религии, является неравномерность разработки данной проблематике в странах Запада и на постсоветском пространстве. Эта ситуация обусловлена советской научной изоляцией и перипетиями развития стран бывшего СССР, не всегда, к сожалению, в достаточной мере способствующих качественному научному поиску и взаимодействию.

В этом смысле психология религии мало отличается от других научных дисциплин, вынужденных выживать в подобных специфических условиях. Помимо этого, психология религии не имеет также ясного статуса в качестве академической дисциплины. Как и физические объекты, которые могут быть описаны одновременно как частица и как волна, психология религии является как одной из дисциплин религиоведения, изучаемой на философских факультетах и преподаваемой, как правило, людьми с философским образованием, так и курсом на факультетах психологии, читаемым психологами для будущих психологов (курсом, надо сказать, далеко не основным). Как верно указано составителями рецензируемого сборника, работы религиоведов в области психологии религии носят преимущественно исторический, теоретический и аналитический характер, тогда как психологи, изучающие религиозные феномены, часто ограничиваются анализом сугубо эмпирических сведений.

Подход религиоведов обусловлен их знанием религиозных традиций и навыками работы с текстами при, зачастую, отсутствии достаточных знаний и навыков для проведения эмпирических исследований. Психологи же, в силу собственных ограничений, далеко не всегда пытаются составить целостную картину того, что представляет из себя религиозная или нерелигиозная жизнь, предпочитая просто-напросто применять свою компетентность в сфере эмпирических исследований к довольно новой, экзотичной для мейнстримной психологии тематике. Психология религии воспринимается психологами, как правило, в виде боковой ветви их базовой науки. Некоторый вес дисциплине придает тот факт, что отдельные работы о религии имеются у таких авторитетных классических психологов, как Уильям Джеймс, Зигмунд Фрейд, Карл Густав Юнг, Абрахам Маслоу, Гордон Олпорт и Виктор Франкл. Однако ни для кого из указанных выше авторов психология религии не была основной сферой интересов и исследования.

Впрочем, нерешенный характер дисциплинарного статуса психологии религии может обернуться благом для последней. Сами религиоведение и психология, то есть «материнские» науки, являются следствием активного взаимодействия представителей различных академических дисциплин и направлений. Религиоведение немыслимо без работ историков, философов, социологов, филологов, антропологов и культурологов; психология также не может быть представлена, в особенности в контексте истории ее развития, без вклада философии, биологии и медицины, а также наук о языке и мозге. В современной науке междисциплинарность является сильной, а не слабой стороной того или иного исследовательского проекта. Эта тенденция обещает психологии религии блестящие перспективы, однако требует установки не на отгораживание друг от друга представителей разных дисциплин, а на совместные проекты. Сам факт жесткого институционального разграничения наук, при котором, в частности, публикация в посвященном «другой науке» журнале формально не играет никакой роли для карьеры аспирантов, докторантов и научно-педагогических кадров вузов, существенно затрудняет сотрудничество коллег, представляющих разные дисциплины. Учитывая подобные проблемы междисциплинарного взаимодействия, а также факт отставания постсоветской психологии религии от западной, публикацию сборника «Психология религии: Между теорией и эмпирикой», предоставившего прекрасную междисциплинарную площадку для религиоведов и психологов, стоит всячески приветствовать.

Сборник обобщает результаты работы секции психологии религии Минской конференции 2015 года «Религия и/или повседневность». Он состоит из четырех разделов: «История психологии религии», «Теоретические и прикладные аспекты эмпирических исследований», «Психология религиозного обращения» и «Когнитивное религиоведение». Обращает на себя внимание интерес предоставивших свои тексты исследователей к вопросам, актуальным для мировой психологии религии на нынешнем этапе ее развития.

Статья Елены Орёл о принципе методологического объективизма поднимает вопрос о позиции, которую должен занимать исследователь религиозных явлений в отношении онтологического статуса предметов религиозной веры. Ав-

тор, опираясь на классиков психологии религии Теодора Флурнуа и Уильяма Джеймса, акцентирует внимание на желательности исключения вопроса о реальности чего бы то ни было вне физического мира из академического рассмотрения. Методологическому объективизму противопоставляются так или иначе ангажированные принципы конфессиональности и партийности. В статье рассматривается вопрос возможности верификации ценностных суждений, причем утверждается, что подобная верификация всегда с необходимостью неполна и ограничена; а следовательно, конечная фальсификация также не представляется возможной. Подобная эпистемологическая вставка представляется вполне уместной в методологической статье, поскольку задает границы нашего познания, формирует у исследователя установку скромности по отношению к изучаемому им материалу.

Давида Дамте поднимает вопрос о религиозном чувстве и его понимании немецкими философами XIX века. Рассмотрение начинается с философии Георга Вильгельма Фридриха Гегеля, однако не заканчивается на нем — статья содержит также описание и анализ взглядов Якоба Фридриха Фриза, Иоганна Фридриха Гербарта, Иоганна Готлиба Фихте (Фихте-младшего), Эдуарда фон Гартмана и Густава Тейхмюллера. Несмотря на то, что публикация посвящена преимущественно истории философии, затрагивая вопросы психологии лишь косвенно, ее внимательное чтение может предоставить психологу религии ряд важных интуиций и гипотез, а также понимание того фона, на котором развивалась ранняя психология религии. В частности, ряд философов впервые обратил внимание на бессознательный характер психической жизни (Эдуард фон Гартман), что позже легло в основу психоаналитических подходов.

Особенности исследований мистицизма подробно рассматриваются в статье Татьяны Малевич. Мистический опыт представляется одним из самых сложных феноменов для изучения в психологии религии, в силу своей (по свидетельствам самих мистиков) принципиальной внесемиотичности, невыразимости, проблем с ясным определением (является ли он лишь более интенсивным религиозным опытом или чем-то совершенно иным?), проблемой изучения извне или изнутри, а также сложностями интерпретации учеными опыта адептов неавраамических

религиозных традиций. В статье рассматриваются преимущества и ограничения анкет и интервью, психометрических шкал, призванных исследовать мистический опыт, а также экспериментальных исследований. Делается вывод о необходимости комплексного использования различных дополняющих друг друга количественных и качественных методов.

Психолог Денис Кожевников посвятил свою статью оценке эффективности аутогенной тренировки и центрирующей молитвы. Аутогенная тренировка была разработана для светских условий, тогда как центрирующая молитва представляет собой психопрактику, возникшую в христианском контексте для религиозных целей. Автор описывает дизайн и результаты психофизиологического эксперимента, приходя к выводу о большем влиянии аутогенной тренировки на психофизиологическое состояние человека, что, впрочем, не означает неэффективности центрирующей молитвы для религиозных целей. Описанное эмпирическое исследование может быть полезно для религиоведов в качестве демонстрации возможностей эмпирической психологии для проверки гипотез, возникающих в результате теоретического анализа и рефлексии. Учитывая это соображение, стоит все же отметить, что сопоставление степени влияния различных психотехник на психофизиологическое состояние человека довольно опосредовано связано с проблематикой психологии религии, хотя вопрос является открытым и на этот счет возможны разные мнения.

Наибольшее количество статей сборника посвящено вопросу религиозного обращения (конверсии). В этой связи позволю себе высказать критическое замечание, которое, впрочем, никоим образом не ставит под сомнение высокое качество предоставленных авторами сборника материалов, а также, вне всяких сомнений, отражает субъективные академические предпочтения рецензента. Несомненно также и то, что все актуальные и значимые вопросы той или иной научной дисциплины невозможно рассмотреть в рамках одной публикации или даже одного сборника. Тем не менее важно указать на то, что ни в одной из четырех статей, весьма детально рассматривающих предпосылки, этапы и феноменологию конверсии, даже косвенно не поднимается вопрос деконверсии, утраты религиозной веры. Подобная односторонность не представляется последовательной, как в силу актуальности секуляризации и, как

следствие, отхода от религиозной веры множества людей в мире, так и исходя из сугубо методологических соображений. Современный психолог религии, Бенджамин Бейт-Халлами, утверждает, что психология религии — это также психология отсутствия религии (*the psychology of religion is also the psychology of irreligion*)[1]. Иначе говоря, комплексное рассмотрение процессов обретения и утраты веры представляется более информативным, нежели традиционный для психологии религии исключительный акцент на религиозном обращении. В свете наличия качественных исследований деконверсии[2] отсутствие упоминаний об этом вопросе представляется непоследовательным, хотя, оговорюсь, не стоит ожидать рассмотрения всех актуальных вопросов той или иной дисциплины в одном сборнике материалов, не ставящем себе такой задачи.

Константин Антонов обращается к вопросу соотношения религиозности и рациональности в контексте религиозного обращения. Последнее рассматривается в качестве перехода, скачка от мирского к священному, который, впрочем, в рамках человеческой жизни никогда не обретает конечного характера. Религиозный опыт время от времени должен обновляться, дабы не быть поглощенным рутинной повседневностью. При этом этот религиозный опыт не существует отдельно от мышления, становясь объектом для такового. Рефлексия и опыт вступают в сложные взаимодействия, не будучи способными обойтись друг без друга. Нередко их взаимодействие становится основанием для конфликта. Вопрос соотношения рефлексии и религиозного опыта обретает особую актуальность из-за актуализировавшихся споров между верующими и неверующими в западных странах, а также поляризации между ними в целом в мире.

Любовь Ардашева констатирует невозможность построения единой всеобъемлющей модели обращения, универсальной для всех религиозных традиций и для всех людей. Существующие модели довольно детально рассматриваются в статье, вместе с критическими замечаниями по каждому из этапов — главным образом речь идет о модели, предложенной Джоном Лофландоном

1. Beit-Hallahmi, B. (2007) *Atheists: A Psychological Profile*, in M. Martin (ed.) *Cambridge Companion to Atheism*, p. 301. Cambridge University Press.
2. Например: Zuckerman, P. (2015) *Faith No More: Why People Reject Religion*. Oxford University Press.

и Родни Старком. Фактически, как отмечает автор статьи, ни одно исследование не подтверждает правоту этой модели. Более перспективными являются подходы Анри Гурена и Льюиса Рембо, для которых обращение есть довольно длительный процесс, стадии которого являются преимущественно ориентирами для исследователя, а не жестко последовательными фазами. Ардашева делает вывод о постепенности процесса обращения, внезапность которого является лишь частью обращения, а не самим обращением. Менее ригидный и более нюансированный подход к столь сложному процессу представляется значительно более релевантным.

Социально-конструктивистский подход в исследовании феномена обращения предлагает Ирина Буланова. Автор предлагает изучать обращение в контексте личностных изменений, которые в силу методологических ограничений не могут быть индуцированы извне. Как следствие, установление причинно-следственных связей в эксперименте не представляется возможным. Однако исследование религиозного языка и метафор обращения как не только субъективно-индивидуального, но и интерсубъективного процесса не имеет подобных ограничений. Нарративный анализ текста, повествующего об обращении, показывает способы обретения индивидом новой социальной идентичности, оценку опыта прошлых событий и перспектив будущего. «Вторая когнитивная революция», дополнившая субъективный акцент когнитивных подходов инетрсубъективным, актуализировала нарративный подход и в целом качественные исследовательские методы. В этом смысле подход к данным и их анализу, используемый в статье, представляется весьма перспективным. Впрочем, исследования такого рода должны быть продолжены и дополнены выборками представителей иных конфессий и религий, а также неверующими людьми, пережившими/переживающими деконверсию.

Татьяна Фолиева рассматривает проблему конверсии на материалах Свидетелей Иеговы, причем исследовательский фокус тут смещен с индивида на организацию. При этом обращение видится не столько как действие безличных сил по отношению к пассивному объекту (как в случае классического обращения ап. Павла), а как процесс, инициируемый субъектом, то есть самим человеком, активно ищущим ответы на мировоззренческие и экзи-

стенциальные вопросы. Статья содержит эмпирическое исследование, построенное в качестве контент-анализа материалов печатных материалов Свидетелей Иеговы. Контент-анализ основан на скрипт-теории, созданной специалистами в сфере искусственного интеллекта. Фолиева приходит к выводу, что модель обращения, практикуемая Свидетелями Иеговы, относится скорее к рациональному типу обращения, несмотря на то, что сциентистские термины ими не используются. Обращение строится на получении ясных ответов на поставленные вопросы, а не на обращение к мистическому и потаенному измерению христианства, как, например, в догмате о Троице. Опять-таки, анализ данных имеет значительный потенциал, позволяя раскрывать особенности обращения представителей разных религиозных традиций. Также внимание должно быть уделено способам, используемым современными секулярными и атеистическими организациями с целью приумножения количества неверующих. Это органично дополнило бы сведения о рациональном типе обращения, ведь довольно сложно представить себе деконверсию, имеющую иные истоки.

Получившему развитие в последние десятилетия когнитивному подходу к исследованию религии посвящено три статьи сборника. Вопрос о соотношении когнитивного религиоведения и психологии религии является дискуссионным, поскольку не все когнитивные религиоведы соглашаются видеть себя в качестве одного из направлений психологии религии. Институционально когнитивное религиоведение представлено отдельной ассоциацией — *International Association for the Cognitive Science of Religion* (*IACSR*), не входящей в состав *International Association for the Psychology of Religion* (*IAPR*); эти организации проводят независимые друг от друга конференции и издают независимые друг от друга журналы. Периодически поднимается вопрос о соотношении этих направлений, вплоть до указаний на то, что они являются в той или иной степени «близнецами»[3].

Первая статья раздела о когнитивном религиоведении, написанная коллективом авторов (Роман Сергиенко, Ирина Шошина, Ирина Маланчук), представляет собой качественный общий обзор указанного

3. Как, например, на конференции психологов религии в Лозанне в 2013 году. См. http://wp.unil.ch/iapr2013/congress/program [доступ от 29.10.2016].

направления. В статье прослеживаются истоки когнитивного религиоведения, начиная от Стюарта Э. Гатри, изучавшего антропоморфизм и парейдолические иллюзии («лица в облаках» и проч.), Джастина Баррета, описавшего гиперчувствительное устройство обнаружения агентности (*HADD*), Паскаля Буайе, писавшего об онтологических категориях и минимальной контринтуитивности, и других авторов. Сергиенко, Шошина и Маланчук делают акцент на эволюционизме, лежащем в основе когнитивного подхода, акценте последнего на естественности познавательных процессов, определенная работа которых делает возможной религиозность человека, а также на принципиальном интересе представителей направления на обычную и обыденную, а не экстраординарную религиозность мистиков. Раскрываются когнитивные механизмы, делающие религию возможной, такие как социальная перцепция и теория разума, вкратце упоминается о нейрофизиологических исследованиях, вносящих свою лепту в понимание того, что такое религия. Статья является одной из тех, которые есть смысл читать тем, кто приступает к изучению когнитивного религиоведения, поскольку она позволяет хорошо ориентироваться в этом материале.

Александра Белова обращается к теме когнитивного подхода к изучению ритуалов и ритуального поведения. Эта тема, по сравнению с изучением особенностей формирования и функционирования религиозных взглядов и убеждений, реже встречается в общих обзорах по когнитивному религиоведению, что, впрочем, не делает ее менее важной. В статье рассматриваются когнитивные теории ритуального поведения. Особенно много внимания уделяется теории ритуальных репрезентаций Роберта Макколи и Томаса Лоусона, также теории ритуала и памяти Харви Уайтхауза. В обзор попали также взгляды на ритуал Дэна Спербера, Пьера Льенара, Паксаля Буайе и некоторых других исследователей. Ценность настоящего обзора несомненна, поскольку он не только знакомит читателя с не переведенными на русский или украинский язык работами когнитивных религиоведов, но также демонстрирует эвристический потенциал когнитивных теорий, применимый в отношении не только верований, но также религиозной деятельности людей.

Весьма интересную теоретическую проблему поднимает Дмитрий Горевой в статье

об «антропоморфической проекции». В ней автор производит сопоставление представлений российских этнографов с теориями, возникающими в контексте современного когнитивного религиоведения. Представителей обоих направлений объединяет натуралистическая исследовательская установка, то есть установка на объяснение религии в качестве естественного феномена, а также обращение к данным исследований архаичной религиозности и детства. Однако взгляды Сергея М. Широкогорова, Льва Я. Штернберга, Владимира Г. Богораз-Тана и прочих этнографов, будучи во многом сходными с таковыми у, скажем, Стюарта Э. Гатри, Джесси Беринга и Джастина Баррета, имеют различные теоретические и, отчасти, эмпирические источники. Когнитивное религиоведение опирается на современные теории сознания, в частности, на теорию модульности сознания ученика Ноама Хомского Джерри А. Фодора, тогда как классическая этнография носила скорее эмпирико-индуктивный характер и не имела сопоставимого с нынешним теоретического аппарата. В дальнейшем важно было бы соотнести новейшие когнитивные теории религии с воззрениями классических западных антропологов, проследив их возможную линию преемственности.

При всех несомненных достоинствах сборника важно указать также на некоторые имеющиеся лакуны и диспропорции. Как уже было указано, много внимания уделено феномену обращения, при этом понимаемому односторонне, лишь в качестве перехода от неверия к вере, но не наоборот. Деконверсия не рассматривается даже косвенно — и это при условии продолжающейся секуляризации и увеличения количества людей, живущих без религии. Симптоматично появление «атеистических церквей»[4], призванных, в частности, социализировать привыкших к церковной жизни, однако утративших веру людей. Не найдет читатель также сведений о возрастной и гендерной динамике религиозности, религиозных формах копинга, то есть особенностей переживания людьми жизненных вызовов и неудач в зависимости от их отношения к религии, публикаций на тему религии и физического и психического здоровья и благополучия, а также рассмотрения вопросов религиозной моти-

4. См. напр. Wheeler, B. (2013) *What Happens at an Atheist Church?* http://www.bbc.com/news/magazine-21319945 [доступ от 29.10.2016].

вации и психологических последствий типа мотивации индивида. Между тем, традиция исследования мотивации религиозной деятельности является частью классической (Гордон Олпорт) и современной (теория самодетерминации личности Эдварда Деси и Ричарда Райана[5]) мейнстримной психологии. Более того, ряд исследований религиозности, проведенных в лаборатории позитивной психологии и качества жизни Высшей школы экономики в Москве, также опирается на теорию самодетерминации. Отсутствие упоминаний этих исследований и ссылок на публикации сотрудников лаборатории, не говоря уже об отсутствии их статей в сборнике, свидетельствует о необходимости дальнейшей работы над улучшением качества коммуникации с коллегами-психологами.

Несмотря на критические замечания, публикация сборника «Психология религии: Между теорией и эмпирикой» является ярким симптомом того, что эта дисциплина, несмотря на многие трудности, на постсоветском пространстве есть и, более того, активно функционирует и развивается. В этом смысле важен не только факт публикации, но и высокое качество представленных в сборнике статей, их междисциплинарный характер, а также обращение к работам и исследованиям западных коллег.

И. Ягияев

5. Ryan, R. M., & Deci, E. L. (2000) “Self-Determination Theory and the Facilitation of Intrinsic Motivation, Social Development, and Well-Being”, *American Psychologist* 55(1).